

**СТРУКТУРА ИНТЕГРАТИВНОГО ФОРМАТА
РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

В. С. Григорьева

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов

Рецензент д-р филол. наук, проф. Н. Ю. Бородулина

Ключевые слова: дискурсивно-матричный анализ; дискурсивный жанр; интегративный формат; когнитивная и коммуникативная координата; речевое взаимодействие; речетактиковая модель.

Аннотация: Рассмотрено речевое взаимодействие с точки зрения интегративности формата участвующих в формировании диалогического дискурса компонентов. Предложен дискурсивно-матричный анализ речевого взаимодействия. В качестве дискурсивных представлены координаты: предметная когнитивная, с помощью которой осуществляется тематическое оформление дискурса; ситуативно-референтная, репрезентирующая динамический характер речевого взаимодействия; коммуникативная, содержащая пакет знаний о речевых стратегиях и тактиках, используемых в диалоге; социокультурная, показывающая специфику концептуальной системы человека в зависимости от его принадлежности к той или иной культуре.

Один из важнейших элементов человеческой деятельности и одновременно один из ценнейших ее продуктов – речь – объект таких дисциплин, как *анализ дискурса, конверсационный анализ и развивающийся внутри него анализ диалога*. Экскурс в историю изучения речевого взаимодействия позволяет утверждать, что первоначально его объектом являлся диалог. Включение в область исследования социальных норм и конвенций, ситуативного контекста, учитывание социальных ролей и ролей общающихся, уровня формальности, степени знакомства собеседников, состава

Григорьева Валентина Сергеевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры «Иностранные языки», e-mail: grigorieva@mail.ru, ТамбГТУ, г. Тамбов.

участников коммуникации привело к развитию конверсационного анализа. Дискурсивный анализ как особая научная дисциплина включает в круг изучаемых проблем также вопросы этнолингвистики, тематической и коммуникативной организации текста, экстралингвистические, в том числе социальные факторы. Если для использования дискурса важно включение коммуникации в социальный контекст, то для диалога обязательно наличие такого признака, как обмен речевыми высказываниями, интерактивный характер, последовательное сцепление речевых актов. Конверсационный анализ, однако, нацелен в первую очередь на изучение методов и механизмов, используемых при организации разговора, формальных, рекуррентных правил технологии проведения беседы и механизмов коммуникации. Анализ дискурса включает в исследование стратегию и интенцию говорящих, изучение ментальных процессов. Изучение диалога можно рассматривать как составляющую часть конверсационного анализа и дискурсивного диалогического анализа. Его важнейшими характеристиками являются интерактивный характер, последовательное сцепление речевых актов.

В то же время «давно известна и признана роль ментального субстрата, лежащего в основе системы языка, которая обеспечивает, с одной стороны, удержание в памяти огромного арсенала средств в их системном представлении и способов их интеграции, обогащение их, функциональную их плюрализацию, с другой стороны, ментальный субстрат имеет определяющую роль в процессе речепорождения, принципов комбинаторного отбора, конкретизации и категоризации» [1, с. 78]. В связи с этим представляется чрезвычайно актуальной проблема категоризации и моделирования в сфере человеческого общения, что обусловлено, исходя из сказанного, антропоцентричной направленностью современной лингвистики. Исследования процессуальных аспектов категоризации и концептуализации открывают новые горизонты перед изучением диалогического дискурса, репрезентирующего речевое взаимодействие. Обращение к когнитивным аспектам речевого взаимодействия дает возможность выйти за пределы собственно языкового значения и определить соотношение языкового значения и концептуального содержания, передаваемого как отдельным словом в системе языка, так и в речевых актах. В теоретическом плане данный способ исследования отвечает тем требованиям, которые предъявляет сегодня к анализу языковых явлений современная лингвистика с ее интересом к интеграции знаний о языке.

Анализ широкого контекста гуманитарных знаний и научной литературы, посвященных проблеме речевого взаимодействия, анализу его продуктивной деятельности, взаимосвязи и взаимовлиянию социальной среды, культуры, человека, как непосредственного продуцента дискурса, и языка показывает необходимость создания интегративной теории речевой коммуникации как системы знаний, объединяющей частные теории в многочисленных исследованиях, ориентированных на человеческий фактор: в когнитивной лингвистике, прагмалингвистике, социалингвистике, этнокультурологических исследованиях, психолингвистике и др. Проблема построения общей *интегративной* теории речевого взаимодействия как

системы репрезентации знаний ставит перед когнитивной лингвистикой задачу осмысления множества частных теорий языковой концептуализации и категоризации, типологии знаний и способов их языковой репрезентации «в контексте единой теории репрезентации и оперирования знанием в языке» [2, с. 53].

Таким образом, в качестве основных принципов изучения речевого взаимодействия рассматриваются антропоцентричность и взаимообусловленность всех компонентов, участвующих в процессе общения. *Вопрос* требует *ответа, предложение – согласия* принять или отклонить его, *отказ* от выполнения требования зачастую сопровождается *угрозой* и т.п. Каждый вид речевой деятельности опосредуется определенными языковыми средствами. Предлагаемая концепция дает возможность рассмотреть дискурсивную деятельность человека с позиции взаимосвязи когнитивных, коммуникативных, социокультурных, этнических, языковых и других параметров речевого общения.

Для комплексного, гетерогенного или интегративного анализа дискурсивной деятельности представляется целесообразным ввести понятие дискурсивно-матричного анализа с помощью дискурсивных координат. Матричный анализ позволяет не только описывать дискурсивную деятельность человека в коммуникативно-когнитивной перспективе, в рамках которой раскрывается тесная взаимосвязь процессов ее порождения и восприятия, но и установить в каждом конкретном случае совокупность языковых средств, используемых в процессе коммуникации как способ реализации системы культурно обусловленных значений, отражающих разделяемые членами социума знания, оценки и ценностные ориентиры.

Исследование дискурса с таких позиций позволяет расширить теоретическую и методологическую базы изучения закономерностей речевого общения, соединить в одном феномене фрагменты отражения в дискурсе различных аспектов, характерных для дискурсивной деятельности, осуществить целостный анализ самого крупного продукта речевой деятельности.

Последовательный анализ коммуникативной ситуации, структуры дискурса, когнитивных и прагматических аспектов взаимодействия позволяет дать дискурсу достаточно адекватную характеристику. *Дискурс понимается как продукт языковой личности, которая решает определенные интенциональные задачи на основе использования и интерпретации собственных знаний о мире.* Подход к дискурсу как феномену, в котором отражаются все типы знаний человека, его языковой картины мира, позволяет установить области иллокутивных переменных моделей коммуникации, где происходит процесс опосредования единиц природы сознания в дискретные единицы языкового воплощения. На системном уровне в соответствии с интенциями интерактантов можно выделить аргументативную, информационную, экспрессивную, социально-ритуальную коммуникации. При конструировании диалога коммуниканты осознанно или интуитивно используют знания, накопленные в их сознании, интерпретируя их в соответствии с социально-культурной ситуацией. В матричном формате знания коммуникантов о речевом взаимодействии представлены когнитивно-

предметной, когнитивно-ситуативной, коммуникативной, социально-культурной, этнокультурной, личностной координатами, а также знаниями о характерных для данной ситуации вербальных и невербальных действиях. Использование матричного анализа позволяет смоделировать алгоритм речевых действий с помощью переменных составляющих названных координат.

Тематическое оформление дискурса осуществляется с помощью знаний, представленных **когнитивно-предметной координатой** в соответствии с нормами и правилами конкретного языка. Структура окружающего мира как структура объектов и их взаимосвязей обуславливает специфику концептуальной картины мира, а опыт в конкретных областях и сферах жизнедеятельности субъекта представлен в виде областей и сфер знания о мире (см. подробнее работы Н. Н. Болдырева).

Когнитивно-предметная координата отвечает за выбор той или иной концептуально-тематической области, включающей в себя знания субъекта дискурса о предметах окружающей действительности и способах их номинации. При этом понимание в диалоге может не произойти, если в картине мира коммуниканта отсутствуют знания о предмете сообщения или предмет не ассоциируется у адресата с языковой единицей, используемой адресантом. Так, на вопрос Кокотова в романе Ю. Полякова «Гипсовый трубач, или Конец фильма», почему мастер отвинчивает каждый раз на ночь памятные таблички со скамеек, тот отвечает: *«Так цветнина ж!»*. Использование интерпретирующей функции языка, когнитивного механизма сравнения и конкретной словообразовательной модели помогает реципиенту понять смысл высказывания. Сравнение слова *цветнина* со словом *пушнина* подсказывает, что речь идет о воровстве цветных металлов, которое в те годы было промыслом, способом существования у простых людей, как у их предков – добыча пушного зверя.

Еще один пример из того же романа свидетельствует о полном непонимании говорящего Кокотовым, поскольку в его картине мира нет знаний ни о теме сообщения – конкретной компьютерной игре, ни о языковых элементах, репрезентирующих сценарные компоненты данной игры: *«Только сел на “лавочке”, взлетел с фелда, иду так себе тихонечко над Поньями. А тут, откуда ни возьмишь, “фока” сверху: как даст мне в движло! Всего колбасит во флаттере. А он, гад, ко мне на шесть садится. Как начал шмалять со всех стволов! Я уже еле маневрирую. С трудом бочку ему размазанную забачал... Он соскочил. Я нырк под него – и в сторону»* [3]. Кокотов, не только не понял, о чем идет речь, что вынудило обратиться его к своему коллеге за разъяснением слов *фоки*, *зены* и др., но и не смог идентифицировать говорящего по его профессии и исполняемой им должности в доме ветеранов.

Динамический характер концептуальных схем речевого взаимодействия представлен **когнитивной ситуативно-референтной координатой**, аккумулирующей знания о развитии диалога во временной плоскости, о том, как начать, развивать и закончить диалог. Для каждого типа дискурса, определенного дискурсивного жанра, представляющего собой су-

бординатный уровень дискурса, существует характерное диалогическое ядро, базовая структура, которая может быть расширена за счет других дополнительных речевых действий. Коммуниканты, как правило, владеют знаниями базовых структур. Их количество не велико. Число вариативных структур не ограничено.

Коммуникативная деятельность, детерминируемая как ролевое исполнение коммуникантом речевой деятельности в соответствии с социальной ролью отправителя или получателя речи, представлена **коммуникативной координатой**. Здесь содержатся знания о целевых установках в диалоге и формах их осуществления в виде схем, фреймов и сценариев речевого и неречевого взаимодействия. На организацию коммуникативного взаимодействия оказывают влияние в данном случае также когнитивные схемы, фреймы и сценарии, предполагаемые у адресата. Каждое высказывание содержит в себе определенную интенцию автора, подчиненную общей стратегии осуществления целеполагания высказывания. Для каждого типа диалога существуют определенные речевые тактики и ходы, способствующие его успешному развитию и приводящие к коммуникативным удачам, и речевые тактики, приводящие к коммуникативным неудачам и конфликтности в диалоге.

В сознании индивидуумов накоплен дискурсивный опыт, в соответствии с которым стереотипные когнитивные структуры, фреймовые ситуации, речевые стратегии и тактики соотносятся вполне определенным способом. Дискурсивное сознание характеризуется закономерностями их соединения. Благодаря этим существующим в сознании моделям и структурам и осуществляется мониторинг и варьирование речи всеми участниками речевого взаимодействия. Отступление от существующих трафаретов, создание новых алгоритмов и способов речевой деятельности, новых ментальных и рефлексивных структур характеризует личность креативную, творческую. Иначе говоря, понятие *варьирование* в дискурсе довольно широкое, – от выбора наиболее релевантных в данной ситуации существующих моделей коммуникации до создания новых.

Анализ практического материала показал, что базовые модели дискурсивного жанра «просьбы» («просьба» – описание положения вещей, неудовлетворяющих адресанта, как каузация просьбы; и описание неудовлетворительного фактуального состояния – «просьба» как следственный фактор) варьируются с помощью дополнительных речевых тактик: поэтапной каузации; комплиментарных высказываний; проведения аналогии, сравнения, описания негативной перспективы для говорящего в случае неисполнения просьбы. Настойчивая просьба трансформирует дискурсивное пространство в жанр настаивания, уговаривания, мольбы, «канючения».

«Требование» как дискурсивный жанр характеризуется негативной оценкой фактуальных событий со стороны адресанта. Развитие диалога находится в прямой зависимости от интенций адресата. Факультативные речевые действия в диалогах данного типа – упрек, угроза, отмечены особым

регистром звучания, их сопровождают зачастую агрессивные авербальные действия. Взаимные акты угрозы приводят к конфликтности диалога.

Основу дискурсивных жанров «предложение» и «совет» представляют схожие сценарии, когда для одного из коммуникантов характерно затруднительное положение выбора какого-либо действия. Канонический тип модели дискурсивного жанра «предложение» содержит обоснование «предложения», в качестве чего выступают тактики описания положительной перспективы, перечисление положительных качеств предлагаемого, ссылка на неудовлетворительные события или обстоятельства. Дискурсивный жанр «совет» маркируется адресантом положительной оценкой как один из лучших вариантов действий, существующих в концептуальной структуре адресата. Помимо оценки адресант использует тактику описания положительной или отрицательной перспективы.

Дискурсивный жанр «предупреждение» используется как механизм ориентирования в ситуации, когда предполагаемые действия адресата оцениваются адресантом как нежелательные. Адресат при этом расширяет свой фокус в ту область знаний, где существуют негативные последствия. Речевые тактики данного дискурсивного жанра: информирование; оценка событий и участников событий, ссылка на законы, нормы поведения; сравнение с аналогичными действиями и событиями.

Модус взаимодействия партнеров, их целевая установка обуславливают характеристику и классификацию дискурса от кооперативного до разной степени конфликтного. Кооперативный дискурс характеризуется готовностью коммуникантов к коррекции собственной картины мира, к сотрудничеству и взаимным уступкам. В планы коммуникантов нейтрального дискурса не входит коррекция картины мира собеседника. Концептуальная структура конфликтного дискурса маркируется когнитивным диссонансом картин мира его участников. Спор как разновидность конфликтного дискурса характеризуется отсутствием враждебности и личной неприязни коммуникантов.

В диалогическом дискурсе задействованы когнитивные механизмы вторичной интерпретации, понимаемой как интерпретация знаний о мире в языке [4]. В первую очередь, в дискурсивных разговорных жанрах используется механизм установления тождественности концептуальных картин мира собеседников. В случае отсутствия или недостаточности знания в картине мира адресата используется механизм пополнения знаний, или аддирования. Механизм актуализации знаний позволяет активировать знания собеседника, стертые временем. Механизм субституции знаний в картине мира адресата достигается с помощью интерпретации и оценки событий. В дискурсивных жанрах, содержащих убеждение, используются механизмы профилирования, метафоризации, концептуальной метонимии, импликации.

Социокультурная координата «имеет социально-исторические корни и всегда связана с реальными потребностями и намерениями людей, всегда обусловлена конкретными условиями общения (участниками общения, его фоном, местом и временем общения, целями)» [5, с. 44]. Те или

иные дискурсивные практики и смыслы предопределяет не собственно социокультура как система присвоенных и усвоенных правил, норм, традиций и др. взаимодействия с внешним миром, а именно человеческое сознание как система социокультурных знаний о мире, в котором живет человек, конструирует действительность и выбирает те языковые единицы, которые наиболее полно и четко с его точки зрения характеризуют фрагмент действительности: «Любая ситуация может быть описана по-разному; разные способы ее кодирования, ее портретирования означают, что ее концептуализация осуществлена в соответствии с разным ее видением: она не просто отражена человеком, она определенным образом им «сконструирована» [6, с. 196].

Принадлежность к культуре определяется наличием «базового стереотипного ядра знаний» [7], повторяющегося в процессе социализации индивидуума в социокультуре. В качестве примера нетождественности знаний у людей разных социальных и профессиональных групп, приведших к непониманию адресанта может служить сцена из кинофильма А. Суриковой «Суета сует», в которой работница загса, отказывая претенденту на ее руку, использует профессиональное высказывание «Сойди с ковра». При этом собеседники прогуливаются в парке. В фонде коллективных знаний концепт отказа жениху не представлен языковой единицей «сойти с ковра». Понять смысл высказывания в приведенном диалоге можно лишь с помощью интерпретирующей функции языка с применением когнитивного механизма ассоциации.

Этнокультурные знания, представленные соответствующей **координатой**, формируются, в основном, коллективными знаниями, выработанными теми или иными народностями и получившими отражение в языке, вследствие умения выделить существенные свойства какого-либо предмета, которые проявляются, прежде всего, в практической деятельности человека, и закрепления в рефлектирующем сознании не индивидуального образа этого предмета, а лишь его важнейших или существенных на данном этапе познания свойств. В речевом взаимодействии этнокультурные концепты обусловлены менталитетом, считающимся глубинным уровнем культуры, который служит основой устойчивой системы знаний и представлений, укорененных в сознании и поведении многих поколений. В процессе номинации в концептуальной системе языка находят отражение национальные значения отдельных слов и выражений, этимологические особенности слов, национальные особенности комбинаций значений и языковых единиц, складывающихся в конечном итоге в единую семантическую картину мира. Особой маркированностью в данном случае обладают прецедентные языковые единицы, фразеологизмы и фразеологические сочетания. Так смысл немецкого фразеологического сочетания *einen leeren Korb bekommen* собеседник может понять правильно, если в его картине мира есть знания об обычаях сватовства в княжествах Германии, когда из окна жениху спускалась корзина. И если она была с пустым дном, значит его нельзя было поднять в замок, что и означало отказ.

Необходимость знания особенностей и норм языкового поведения очевидна, незнание разговорных норм изучаемого языка может ввести

в заблуждение, привести к неправильной интерпретации коммуникативных действий, коммуникативным провалам. Например, подаренная хозяйке-немке бутылка вина убирается со стола, что рассматривается русскими как проявление жадности, скупости; в немецкой же культуре вино в таком случае рассматривается как сувенир.

Вступая в речевое взаимодействие, адресант ориентируется, прежде всего, на концептуальные схемы и личностные характеристики адресата. Этим фактом обуславливается необходимость учитывать субъективные факторы: социокультурные, национальные, психологические особенности коммуникантов, представленные в дискурсивной матрице **личностной координатой**. Языковое сознание и речевое поведение позволяет охарактеризовать личность с позиций лингвистической концептологии и теории дискурса. Как отмечалось выше, вариативность изложения того или иного намерения адресанта зависит не только от знаний, имеющихся в языковой картине мира коммуниканта, но и его креативности. Креативность личности играет особую роль в организации речевого взаимодействия, использования нетрафаретных, оригинальных способов организации речевого обмена и, соответственно, успешного достижения поставленных целей. Креативность проявляется в том, что сознание отбирает из концептуальной картины мира те ассоциации, которых нет вовне и в памяти (в когнитивном горизонте данной личности) и репрезентирует их с помощью интериоризованных средств, обслуживающих феномен креативности.

Способность к творческим модификациям изначально заложена в любом акте вербальной коммуникации. Однако градус креативности может быть разным: от элементарного выбора существующих в сознании коммуниканта дискурсивных моделей до созидания им новых, неожиданных речевых тактик, стратегий и комбинаций репрезентирующего языкового материала.

Примерами креативного дискурса убеждения, где учитываются личностные качества собеседников, могут служить диалоги между Чичиковым и местными помещиками о продаже мертвых душ в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души», где Чичиковым в первую очередь берутся во внимание индивидуальные особенности собеседника. Чичиков всякий раз, вступая в разговор с помещиками, внимательно рассматривал и оценивал ситуацию и личность собеседника, прежде чем выбрать стратегию, тактики и языковые средства в организации диалогического дискурса. Рассмотрим пример описания такого выбора в разговоре с Плюшкиным: *«Искоса бросив еще один взгляд на все, что было в комнате, он почувствовал, что слово “добродетель” и “редкие свойства души” можно с успехом заменить словами “экономия” и “порядок”; и потому, преобразивши таким образом речь, он сказал, что, наслышась об экономии его и редком управлении имениями, он почел за долг познакомиться и принести лично свое почтение»* [8, с. 408]. В приведенном примере понятия «экономия» и «порядок» более соответствуют скряжнической натуре Плюшкина, нежели чем концептуальные структуры таких речевых единиц, как *добродетель* и *редкие свойства души*.

В качестве зачина, предкоммуникативного поля, вступительного момента к непосредственному диалогическому ядру Чичиков включает в тематические композиции высказывания о помещиках округи, получая таким образом информацию об их состояниях, отношении к ним своего собеседника и характере самого собеседника. После такой разведывательной тактики, приступая к главной теме своего визита, Чичиков называет ее Манилову как просьбу: *«но позвольте прежде одну просьбу...»*. При этом он не предлагает купить мертвые души, а *«передать, уступить»* их. Обращаясь к Собакевичу, Чичиков выступает уже не с просьбой, а с предложением: *«Я хотел бы поговорить с вами об одном дельце»*, выражаясь очень осторожно, *«никак не назвал души умершими, а только несуществующими»*. С «дубинноголовой» Коробочкой, Чичиков, *«несмотря на ласковый вид, говорил, однако же, с большею свободою, нежели с Маниловым, и вовсе не церемонился»*. Он сразу сказал ей, что он покупатель и попросил *«уступить»* ему мертвых душ или *«продать»*, пообещав за них деньги. Видя и осознавая скарденность Плюшкина, Чичиков выманивает у него мертвые души, обращаясь к нему не с просьбой, и не с предложением, а с *«соболезнованием»* по поводу большой смертности крепостных, и тот уступает ему их бесплатно, не скрывая при этом своей радости, что избавился от уплаты податей за умерших крестьян и издержек по купчей.

Речевые тактики, избираемые Чичиковым, также различны в зависимости от личности собеседника. В разговоре с Маниловым Чичиков лишь высказывает просьбу, не аргументируя ее. В ответ на опасения Манилова, *«не будет ли эта негоция несоответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России»*, Чичиков использует тактику описания положительной перспективы для России, поскольку *«казна получит законные пошлины»*. Совсем по-другому протекает разговор на эту же тему с Собакевичем. В данном случае Чичиков применяет тактику изложения фактов, имеющих негативное следствие для слушающего и выводит отсюда свое желание помочь собеседнику, как бы облегчить его участь, оплачивая за умерших подати. К своему удивлению, он не встретил возражений со стороны Собакевича. Напротив, ведущим в данном диалоге после вступительной речи Чичикова становится Собакевич, активно торгующийся в цене, рекламирующий каждого умершего путем описания его деловых качеств. Чтобы достичь своей цели, получения максимально высокой оплаты, Собакевич прибегает к тактике угрозы: *«Но знаете ли, что такого рода покупки, я это говорю между нами, по дружбе, не всегда позволительны, и расскажи я или кто иной – такому человеку не будет никакой доверенности относительно контрактов или вступления в какие-нибудь выгодные обязательства»*. Значительную трудность представляло для Чичикова убедить «крепколобую» Коробочку, которая никак в толк не возьмет, что происходит. Озвучив просьбу уступить или продать ему умерших крепостных, Чичиков использует тактику описания положительной перспективы – получение Коробочкой за продажу мертвых душ пятнадцати рублей ассигнациями. Пытаясь определить выгоду собеседника,

Коробочка применяет тактику запроса информации о выгоде покупателя, косвенного отказа со ссылкой на отсутствие опыта в данном вопросе: *«Ведь я мертвых никогда еще не продавала»*. Тогда Чичиков прибегает к тактике описания негативной перспективы в случае неосуществления сделки: *«Ведь вы разоряетесь, платите за него подать, как за живого»*. После очередного колебания со стороны Коробочки Чичиков использует тактику сравнения мертвых душ с простой тряпкой, которую *«хоть, по крайней мере, купят на бумажную фабрику»*. Когнитивный механизм сравнения используется дважды. Продажа мертвых душ сравнивается с продажей меда. Удивительно, но на Коробочку подействовали не здравые рассуждения, а авербальные действия и экспрессивные высказывания Чичикова, когда он, выйдя из себя, *«хватил в сердцах стулом об пол и посулил ей черта»* <...> *«Да чего ж ты рассердился так горячо? Знай я прежде, что ты такой сердитый, да я бы совсем тебе и не прекословила... Ну, да изволь, я готова отдать за пятнадцать ассигнаций»*. Для обеспечения рефлексии Чичиков активно использует метакоммуникативные высказывания: *«Понимаете?»*, *«Ну, теперь ясно?»*, *«Послушайте, матушка. Да вы рассудите только хорошенько»*, *«Вы, матушка, или не хотите понимать слов моих, или так нарочно говорите, лишь бы что-нибудь говорить»*, *«Ну что вы это говорите, подумайте сами!»*, *«Мертвые в хозяйстве! Эк куда хватили!»*, *«Помилуйте, я вас прошу совсем о другом, а вы мне пеньку суете!»*.

И совсем неудачной оказывается попытка Чичикова убедить Ноздрева, причиной чему, вероятно, является недостаточное знание личности собеседника, непонимания сложившейся ситуации. Легко согласившись на то, чтобы перевести умерших душ на имя Чичикова, Ноздрев, вследствие взбалмошности своего характера, начинает выдвигать одно требование за другим: сказать ему о цели данной покупки, купить у него жеребца, потом каурую, собак, шарманку, бричку, метнуть банк, сыграть в шахматы. Дело чуть не заканчивается потасовкой. При этом Ноздрев активно использует в своей речи экспрессивные выражения с негативной оценкой: *«большой мошенник»*, *«двуличный человек»*, *«дрянь же ты»*, *«фетюк»*, *«такой шильник, печник гадкий»*, *«подлец»*.

Характерны для каждого случая аргументации также сопровождающие ее авербальные действия, представленные фонацией, кинесикой, проксемикой, актами молчания, значащим бытовым поведением. При этом такие действия могут быть как фоном, на котором протекает речевое взаимодействие, так и «фигурой», несущей смысловую нагрузку и выполняющей определенную прагматическую функцию. К фону в анализируемых диалогах можно отнести то, как Чичиков и Манилов стояли *«перед дверями гостиной, взаимно упрасивая друг друга пройти вперед»*, как Манилов *«поддерживал спину гостя»*, готовясь препроводить его в гостиную, как *«Ноздрев размахнулся рукой»*, а Чичиков *«схватил Ноздрева за обе задорные его руки и держал его крепко»*. О волнении действующих лиц при заключении сделок свидетельствует *«пот»*, который отирал Чичиков, Плюшкин тоже *«утерся платком и, свернувши в комок, стал им*

возить себя по верхней губе». О реакции помещиков на неожиданное предложение Чичикова свидетельствуют разинутый рот Манилова: «Манилов выронил тут же чубук с трубкою на пол и как разинул рот, так и остался с разинутым ртом в продолжение нескольких минут», вытаращенные глаза Плюшкина: «Он, вытаращив глаза, долго смотрел на него». Роль «фигуры», конечно же, отводится стулу, которым Чичиков грохнул об пол. Это авербальное действие, синонимичное речевому акту угрозы, внесло существенный, можно сказать решающий вклад в успех убеждения Чичиковым Коробочки.

Подводя итоги сказанному, отметим, что координация межличностной речевой деятельности – процесс не простой. Она обусловлена многими факторами – когнитивными, коммуникативными, социокультурными, этнокультурными, личностными. Все эти внешние и внутренние факторы, так же как и другие реалии человеческого мира, взаимосвязаны и взаимобусловлены. Без учета какого-либо одного из них не может быть адекватно интерпретирован смысл высказывания и организована адекватная реакция на речевую акцию говорящего, что еще раз убеждает в необходимости интегративного подхода к анализу речевого взаимодействия.

Список литературы

1. Кобрин, Н. А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации / Н. А. Кобрин // Концептуальное пространство языка : сб. науч. тр. / под ред. проф. Е. С. Кубряковой. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. – С. 77 – 94.
2. Болдырев, Н. Н. Когнитивная лингвистика в России: от частных исследований – к общей теории языка / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка : материалы Всерос. науч. конф., 11–12 апр. 2013 г. / отв. ред. вып. Л. А. Фурс. – М. ; Тамбов, 2013. – Вып. XIV. Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы. – С. 52 – 60.
3. Поляков, Ю. Гипсовый трубоч, или Конец фильма / Ю. Поляков. – М. : Астрель : АСТ, 2009. – 381 с.
4. Болдырев, Н. Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. : сб. науч. тр. / отв. ред. вып. В. З. Демьянков. – М. ; Тамбов, 2014. – Вып. XIX. Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира. – С. 20 – 28.
5. Кубрякова, Е. С. О методике когнитивно-дискурсивного анализа применительно к исследованию драматургических произведений (пьесы как особые форматы знания) / Е. С. Кубрякова // Принципы и методы когнитивных исследований языка : сб. науч. тр. / Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2008. – С. 30 – 45.
6. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. – М. : Знак, 2012. – 208 с.
7. Прохоров, Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. – М. : URSS, 2009. – 224 с.
8. Гоголь, Н. В. Повести. Пьесы. «Мертвые души» / Н. В. Гоголь. – М. : Худож. лит., 1975. – 653 с. – (Б-ка всемирной лит. ; Т. 75. Сер. 2-я. Литература XIX века).

References

1. Kobrina N.A. *Kontseptual'noe prostranstvo yazyka* (), Tambov: Izdatel'stvo TGU imeni G.R. Derzhavina, 2005, pp. 77-94.
2. Boldyrev N.N. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* (The cognitive study of language), Proceedings of the Scientific Conference, 11-12 april, Moscow, Tambov, 2013, issue XIV, Cognitive Linguistics: results and prospects, pp. 52-60.
3. Polyakov Yu. *Gipsovyi trubach, ili Konets fil'ma* (Gypsum trumpeter, or end of the movie), Moscow: Astrel', AST, 2009, 381 p.
4. Boldyrev, N. N. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* (The cognitive study of language), Moscow, Tambov, 2014, issue XIX, Cognitive variation in the linguistic interpretation of the world, pp. 20-28.
5. Kubryakova E.S. *Printsipy i metody kognitivnykh issledovaniy yazyka* (Principles and methods of cognitive research language), Tambov, 2008, pp. 30-45.
6. Kubryakova E. S. *V poiskakh sushchnosti yazyka. Kognitivnye issledovaniya* (In search of the essence of language. Cognitive research), Moscow: Znak, 2012, 208 p.
7. Prokhorov Yu.E. *Natsional'nye sotsiokul'turnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ikh rol' v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev* (National socio-cultural stereotypes of verbal communication and their role in teaching Russian language for foreigners), Moscow: URSS, 2009, 224 p.
8. Gogol' N.V. *Povesti. P'esy. "Mertvye dushi"* (Tale. Plays. "Dead Souls"), Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975, 653 p.

The Structure of Integrative Format of Verbal Interaction in Dialogical Discourse

V. S. Grigoryeva

Tambov State Technical University, Tambov

Keywords: cognitive and communicative coordinate; discursive genre; integrative format; matrix analysis; speech tactics model; verbal interaction.

Abstract: The article deals with the verbal interaction in terms of integrative components involved in the formation of dialogical discourse. The article proposes a discourse-matrix analysis of verbal interaction. The discourse coordinates include the cognitive coordinate, the cognitive situational reference coordinate, the communicative coordinate and the socio-cultural coordinate. The cognitive coordinate serves as discourse coordinate for discourse topical attributing. The dynamic nature of verbal interaction, dialogue time progression is represented by the cognitive situational reference coordinate. The communicative coordinate contains a set of speech strategies and tactics. The socio-cultural coordinate shows the correlation between the conceptual system and cultural background of an individual.

© В. С. Григорьева, 2015